

БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Риер Яков Григорьевич

заведующий кафедрой всеобщей истории
Могилевского государственного университета
имени А.А. Кулешова, доктор исторических наук, профессор
(г. Могилев, Беларусь)

Рассматривается место белорусских земель в европейском цивилизационном процессе. Испытав в рамках ВКЛ западноевропейское культурно-политическое влияние, ментальность основного средневекового населения – крестьян – оказалась ближе традициям Московской Руси, претерпевшей сильное влияние деспотических порядков Востока.

Важнейшей вехой в становлении белорусской государственности является рубеж I–II тыс. н.э., когда на наших землях возникли первые устойчивые политические образования – княжения. Их устройство, этнокультурная и конфессиональная принадлежность, связи определили дальнейшие исторические судьбы Беларуси.

Спецификой нашего региона изначально была его географическая аморфность. Расположенный на западе условной Восточной Европы, он, входя в лесную зону континента, не отделялся и от Центральной Европы. Вследствии этого население наших земель постоянно было втянуто в процессы, происходившие и в восточной, и в центральной частях континента, которые развивались в разных цивилизационных формах.

На Западе уже с позднеримских времен сформировалась так называемая западноевропейская цивилизация, в которой античное наследие (прежде всего, нормы римского частного права) соединились с германскими формами индивидуального крестьянского хозяйства. Синтез обоих этих укладов породил известный средневековый западный феномен: *сеньориальный строй*, основанный на безусловной автономии частных феодальных владений. Такие порядки с начала II тыс. н.э. были восприняты и центральноевропейскими (западославянскими) государствами.

Цивилизационные же особенности Восточной Европы формировались в условиях континентального климата, ограничивавшего время сельхозработ, и преобладания бедных лесных почв. Соседство с причерноморской степью – самой плодородной землей в Европе – сыграло отрицательную роль в истории региона, ибо Дикое Поле было многие столетия источником известной военной опасности со стороны кочевого мира. Ощущение этой опасности способствовало консолидации местного населения вокруг сильной власти. Тому же способствовала и потребность в хозяйственном взаимодействии – толоке, чтобы успевать в короткое летнее время обеспечивать свои потребности, что обусловило известную прочность общинных связей с ограниченными хозяйственными правами индивидуальных крестьянских хозяйств, сохранявшихся в регионе вплоть до XX в.¹

В итоге сложились известные особенности хозяйственного и политического уклада Восточной Европы: слабо выраженные индивидуальные права даже в среде военного сословия, что обусловило специфику местного феодализма – его близость к восточным формам централизованного государственного землевладения и явную противоположность тому, что сложилось уже с раннего средневековья в Западной и Центральной Европе.

При этом раннесредневековое этническое единство центральной и восточной части континента – славянского ареала – не оказало никакого влияния на хозяйственное и обще-

¹ Показательно, что раскопки древнерусских деревень демонстрировали включение небольших крестьянских жилищ, рассчитанных на малые семьи, в общие хозяйственные угодья больших патриархальных коллективов [4].

ственно-политическое развитие этих земель. Не случайной оказалась конфессиональная граница, разделившая славянский мир на православный и католический. Она примерно совпала с типами организации земельных порядков и политической власти: на западе – сеньории, на востоке – «феодализм без ленов», близкий к так называемому «азиатскому способу производства».

Таким образом, начальная политическая история нашего региона формировалась в рамках складывавшейся восточно-европейской цивилизации с характерным для нее преобладанием корпоративной, затем государственной собственности на основную источник существования – землю.

Ситуация начинает меняться в XIII в., когда в условиях монгольской агрессии судьбы восточноевропейских княжеств стали определяться динамично развивавшимися в регионе политическими процессами. Для Приднепровских земель, как и для Волыни, существенной стала возрастающая активность молодого Литовского Княжества. Геополитическая ситуация в регионе (тевтонская и монгольская угрозы) породила взаимную заинтересованность друг в друге литовской и соседних восточнославянских правящих элит. На этой основе во второй половине XIII в. произошло оформление Великого Княжества Литовского (ВКЛ) – по сути, политического союза нескольких восточнославянских княжеств с наиболее сильными и политически амбициозными литовскими вождями и их дружинами.

Впрочем, литовская знать, хотя и не чуралась интеграции со славянско-православной элитой, но сохраняла свою особость и, очевидно, в качестве противовеса проявляла заинтересованность в связях с западом, где располагался другой естественный ее союзник в борьбе с крестоносцами – Польша. Через нее вместе с католичеством воспринимались и элементы западноевропейской цивилизации, которые в течение XV–XVI вв. существенно преобразовали внутреннюю жизнь славянского населения ВКЛ. С упадком и гибелью Византии здесь усилилось и западное культурное влияние: в XIV–XVI вв. распространяется готика, а с середины XV в. – и ренессансные мотивы [5, с. 463–467].

Особенно это стало заметно в XVI–XVII вв., когда западное влияние проявилось и в аграрных преобразованиях, разрушавших общинные традиции и укреплявших права индивидуальных землевладельцев, и в укороении сословных привилегий шляхты, и в развитии городского самоуправления, и в формировании своеобразной сословно-представительной монархии. Даже боярами здесь назывались, в отличие от Московии, не верхушка, а служилые люди довольно невысокого статуса. Идет процесс формирования действительно единого сословия, обладающего всей полнотой политических прав. И они были закреплены в первом Литовском статуте (1529 г.). В нем были гарантии прав личности, прав собственности².

В итоге среди наиболее динамичных общественных слоев у сформировавшихся в это время белорусов и украинцев – дворянства и бюргерства – происходит переориентация на западные нормы и ценности, что может означать включение их в круг центральноевропейской цивилизационной модели. Через обучение на Западе в эти слои проникают идеи гуманизма, в городах утверждается Магдебургское право. Крестьянство, естественно, было более консервативным. Но и в его среде, прежде всего в западных областях, усиливается роль индивидуального землепользования и других западных ценностей, что отразилось и на активном распространении униатства³.

² Например, в отличие от Московского государства, за вину человека отвечал только он, но не его семья.

³ Показательно, что на востоке ВКЛ эти процессы были выражены слабее. Здесь, в Поднепровье и Подвинье, сохранялись общинные традиции, и власти, заинтересованные в лояльности населения (учитывая близость Москвы), шли на сохранение «старин» даже вопреки интересам землевладельца [1, с. 120–124]. Также и в городах, в их архитектуре западное влияние было существенным именно на западнобелорусских землях [3]. Не это ли способствовало сохранению и поныне различий между коренными жителями западных и восточных областей Беларуси и Украины?

Таким образом, приднепровские славяне в силу геополитической ориентации Великого Княжества Литовского перешагнули (в цивилизационном смысле) в Центральную Европу¹. Но такой переход, в силу исторической скоротечности существования ВКЛ, не успел закрепиться, укорениться в глубинных, корневых элементах народной культуры. Его успели осуществить лишь менее связанные с традициями, более гибкие и пластичные шляхетско-бюргерские слои. Но с ликвидацией Речи Посполитой они оказались оторванными от возможностей влияния на общество и, чтобы не попасть в маргиналы, вливались в более устойчивые католические или православные элиты Польши и России. Оставшееся один на один с российской имперской администрацией крестьяне, за исключением проживавших на крайних западных территориях, так и неуспевшие перестроиться на центральноевропейский лад, вернулись в лоно восточноевропейской цивилизации.

При этом Польша оказала неосознанную услугу Москве, усиливая католическое влияние в ВКЛ и притесняя православие, что сделало невозможным объединение региона под эгидой ВКЛ [6, с. 103–104]. О том же писал и надолго, к сожалению, забытый оригинальный белорусский мыслитель начала XX в. – И. Канчевский [2].

Таким образом, цивилизационное развитие Восточной Европы в средние века отличалось разнообразием. Гомогенным оно было лишь в раннем средневековье, в рамках так называемого древнерусского общества.

Затем, в силу политических коллизий XIII в. приднепровская часть региона оказалась в составе Великого Княжества Литовского вместе с побужско-днестровской (Галиция, Волынь), облизившись с западными соседями, начали впитывать западноевропейские цивилизационные признаки. Причем в том виде, в каком они были восприняты Польшей, то есть опосредованно, с соответствующим временным лагом. Проникавшие «сверху» порядки, однако, не стали за почти 500 лет существования ВКЛ и Речи Посполитой органичными для населения указанных регионов Восточной Европы². Очевидно, сказалась территориальная, историческая (общие происхождение и прошлое), культурная (языковая и конфессиональная) близость с остальным восточнославянским (великорусским) обществом. В итоге здесь сложилась своеобразная контактная зона с двойственными цивилизационными чертами. Влияние восточнославянских традиций, подкрепленное деспотическим и потому более организованным (вернее, отобюрократизованным) Московским государством, оказалось сильнее. Что и предопределило дальнейшее вхождение наших земель в восточноевропейскую цивилизационную общность. Как заметил как-то Я.И.Трещенок, белорусы предпочли пить чай, а не гарбату.

Список использованной литературы

1. Голубеў, В.Ф. Сельская абшчына ў Беларусі XVI–XVIII стст. / В.Ф. Голубеў. – Мн., 2008.
2. Канчэўскі, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Канчэўскі // Беларуская думка XX стагоддзя. Філасофія, рэлігія, культура (Анталогія). – Варшава. 1998. – С. 73–101.
3. Кушнярэвіч, А.А. Беларускі горад XIII–XVI стст. у кантэксьце еўрапейскай архітэктуры / А.А. Кушнярэвіч // Беларусь і Европа: взаемадзейства культур. – Витебск. 2001. С. 44–47.
4. Риер, Я.Г. К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы: сравнительный анализ археологических данных / Я.Г. Риер // Российская археология. – 1996. – № 1. – С. 114–121.
5. Тумаш, В. Важнейшыя мамэнты культурных працэсаў Беларусі / В.Тумаш // Беларуская думка XX стагоддзя. Філасофія, рэлігія, культура (Анталогія). – Варшава. – 1998. – С. 455–485.
6. Флиер, А.Я. Об исторической типологии Российской цивилизации / А.Я. Флиер // Цивилизации и культуры. – Вып. 1. – М., 1994. – С. 94–115.
7. Radzik, R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową / R. Radzik. – Lublin, 2000.

¹ Западное христианство, как известно, более ориентировано на персональную ответственность личности, усиливает чувство самоидентификации и индивидуализма [7, s.191].

² При этом надо иметь в виду, что время активного распространения западноевропейских цивилизационных норм было более коротким, едва ли более 200 лет, в XVI–XVII вв. Для изменения цивилизационного «кода» этого, безусловно, мало.